

Зрелый социализм: структура, предпосылки, переходные периоды

Стадии социализма. Первая стадия – «социализм-предтеча»

В своей «Критике Готской программы» Маркс выдвинул впервые ставший затем знаменитым тезис о *двух* стадиях посткапиталистического (коммунистического) общества: «низшей» стадии, на которой доход обуславливается показателями трудовой деятельности – вознаграждение соответствует количеству и качеству выполненной работы (эти особенности «низшей» стадии неявно, но с неизбежностью предполагают сохранение экономических форм денег, цены и заработной платы); и «высшей» стадии, на которой труд является добровольным, а доход (тождественный потреблению) выплачивается в соответствии с потребностями. Эти две стадии часто называют, соответственно, «социализмом» и «(полным) коммунизмом». Эта стадийная концепция часто затушевывается или совсем отбрасывается в работах современных марксистских теоретиков, особенно работающих в США и Западной Европе (см., например: Lebowitz, 2010).

Я хотел бы встать под знамена стадийного подхода и вновь подтвердить его значимость и актуальность. А именно, я предлагаю модель посткапиталистического развития, состоящего из *трех* стадий, которые можно «в рабочем порядке» обозначить следующим образом: (1) «социализм-предтеча» (precursor socialism); (2) зрелый социализм; (3) полный (завершенный) коммунизм. В этой статье меня будут интересовать первые две стадии; теорию же полного коммунизма отложим для следующих работ [\[1\]](#).

Прежде всего, отметим, что стадия «социализма-предтечи» не должна смешиваться с *политическим переходом* от социальных формаций, в которых доминирует капитализм, к посткапиталистическому обществу. Сам по себе такой переход, по существу, включает в себя принудительную ликвидацию народом властных возможностей прежнего правящего класса и связанных с ним слоев – если не полное искоренение этих социальных групп, то, по крайней мере, их маргинализацию до такой степени, чтобы стало возможным социалистическое строительство. Но политический переход сохраняет техническую и экономическую структуру, которая остается относительно неразвитой; остаются и массы (рабочий класс и союзные ему слои), чьи возможности и сознание исторически ограничены, поскольку они проникнуты собственническо-индивидуалистической идеологией и практиками общества, из которого они вышли, смягчаемыми опытом кооперации в процессе производства, коллективной борьбы и солидарности частично – но *не полностью*. Такая ситуация обуславливает продолжительный период, на протяжении которого постепенно закладываются предпосылки для перехода уже к развитому социализму. Двумя формами «предварительной подготовки», доминировавшими в историческом опыте посткапиталистического строительства в XX столетии и далее, являются централизованное планирование и – более недавняя форма – «рыночный социализм» (согласно официальной формулировке Коммунистической партии Китая).

Централизованное планирование было, конечно, свойственно экономике Советского Союза, начиная с 1930-х гг. То, что оно осуществлялось «сверху вниз» и часто носило авторитарный и бюрократический характер, вызывало критику со всех позиций в политическом спектре – примеры слишком многочисленны, чтобы их перечислять. Экономические реформы, начатые в 1960-е гг., однако, означали выход за пределы централизованного пла-

нирования как такового, будучи направлены уже на переход к этапу, который может характеризоваться как стадия зрелого социализма. (Я не имею здесь возможности рассматривать спорные вопросы, касающиеся природы Советского Союза; см.: van der Linden, 2007; Laibman, 1978; 2009.) Это направление развития дало свои «цветы» в краткий промежуток 1979–1986 гг. – пока с ним не было покончено под воздействием накопившихся последствий тех авторитарно-репрессивных деформаций, которые сложились еще при Сталине. Ирония заключается в том, что в представлениях сегодняшних приверженцев социализма никак не «оживают» какие-либо положительные элементы этого опыта.

«Рыночный социализм», с политэкономической точки зрения, представляет собой нестабильное и противоречивое соединение элементов, в конечном счете несовместимых друг с другом. Использование понятия «рыночный социализм» для характеристики экономической системы Китая предполагает исторически «затянутую» версию ленинского нэпа («новой экономической политики»), начатого в 1921 г. По Ленину, открытие экономики для рынка было временным, и он формулировал это с жестокой откровенностью: нэп был компромиссом, необходимым ввиду крайней слабости человеческих, политических и технических предпосылок социализма в условиях тогдашней Советской России. Китай, с его 5000-летней историей, закономерным образом «расширяет временные рамки». Таким образом, «рыночный социализм с китайской спецификой» – это растянутый во времени компромисс между социалистически ориентированным (но часто бюрократическим и «тощим») государственным сектором, с одной стороны, и окружающей его средой стихийной коммерциализации и накопления в частном секторе, – с другой.

К сожалению, большинство дискуссий о социализме сегодня «одномерно» – сводится к колебанию между государственным централизованным планированием и «рынком». В дебатах, происходящих как в Китае, так и на Кубе, первое рассматривается как представляющее интересы и потребности трудящихся и достойные цели социального обеспечения; второе, однако, необходимо для эффективности и динамизма развития. Проблема тогда сводится к тому, как пройти между Сциллой бюрократизма и неэффективности (если Одиссей слишком сдвинется в «государственную» сторону) и Харибдой социальной поляризации и дестабилизации (если он уклонится в сторону «рынка»).

«Социализм-предтеча» *использует* эти неадекватные формы. И централизованное планирование «сверху вниз», и долгосрочное сосуществование с силами рынка будут в большинстве случаев, вероятно, иметь место до тех пор, пока не будут созданы условия для их преодоления. И то, и другое вносят существенный вклад в это преодоление. И то, и другое содержит в себе угрозы; как с ними справиться – одна из основных проблем социалистической теории. *И то, и другое часто путают с социализмом как таковым.*

2. Вторая стадия – зрелый социализм

Социализм ставит неделимую государственную собственность на место частной. Стадия зрелого социализма начинается с того момента, когда развивающееся социалистическое общество готово приступить к решительному осуществлению такой замены.

Ниже я попытаюсь кратко описать концепцию *Многоуровневой демократической итеративной координации* (Multilevel Democratic Iterative Coordination, MDIC); более полно вопрос обсуждается в работах: Laibman, 1997, chs. 6–7; 2011, chs. 9–10. MDIC – это ядро зрелого социалистического общества.

Я использую термин «координация», а не более обычный термин «планирование», прибегая последний для возможного использования в его собственном значении: совместной

выработки путей предстоящего развития общества – характера антропогенной среды, расположения мест проживания, работы и отдыха; сюда же относится проектирование социально-политических структур и разработка путей исследования неизученных областей и заселения неосвоенных пространств. (Слово «план», однако, вездесуще, и в разных формах оно будет проскальзывать в тексте.) *Координация* – это непрерывная и масштабная задача расчета и реализации огромного комплекса человеческой деятельности – принятие всех решений в сферах разработки, производства, транспортировки, доставки/предоставления, распределения и потребления товаров и услуг.

Характеристика координации как «многоуровневой» указывает на различные *уровни централизации* внутри системы, подтверждая, что у этого комплекса действительно *есть* центр. Соответственно, мы можем взять за основу простую модель MDIC, где речь идет лишь о двух уровнях: уровне центра и уровне предприятия (местного трудового коллектива). Модель с промежуточными звеньями и уровнями ниже предприятия здесь явно «напрашивается», но здесь мы ее рассматривать не будем. Слово «итеративная» подразумевает, что творческое координирование (планирование) действий содержательно осуществляется на обоих уровнях (предприятия и центра) и что эти действия последовательно приводятся к некоторому согласованному целому через ряд повторяющихся актов взаимодействия между уровнями (итераций). Наконец, слово «демократическая» здесь не просто отсылка к любимому многими термину «ради эффекта». Оно выражает собой историкоматериалистический тезис о том, что человеческое развитие достигло того уровня, когда дальнейший рост просто объективно не может происходить без творческого, критического, рационального вовлечения и участия всех (за исключением, конечно, маленьких детей, немощных и больных). Ключевое значение имеет то, что демократия (включая как действительное участие в принятии решений, так и свободно ведущиеся дискуссии и культуру критического мышления) важна не только для предприятия (где высокая степень непосредственного участия в принятии решений, очевидно, достижима), но и для центра.

Что же делает центр? Во-первых, он сводит воедино планы предприятий, определяет, каковы последствия этих планов для других предприятий (например, изменения в требуемом ассортименте продукции), и формирует из планов предприятий внутренне согласованное целое, прося или (в соответствии со своими демократически утвержденными полномочиями) заставляя предприятия модифицировать их планы. (Собственность, которую общество предоставляет в распоряжение работающих на предприятии, не принадлежит им таким образом, чтобы они могли делать с нею все, что пожелают: в случае необходимости должны применяться требования, определяемые более широкими общественными интересами.) Во-вторых, центр отвечает за *плановое ценообразование*. Все трансакции осуществляются по *социалистическим ценам воспроизводства*; стихийная ценовая конкуренция среди предприятий запрещена, так что предприятие может увеличить свой доход (важнейший элемент, определяющий вознаграждение за его работу; см. ниже) только через реальную деятельность (например, повышая производительность труда или качество продукции). Социалистические цены воспроизводства рассчитываются, исходя из прямого и косвенного потребления ресурсов предприятиями, и, кроме того, включают в себя учет долгосрочных перспектив, необходимый, если общество собирается принимать во внимание растущие экологические ограничения и требования, связанные с обеспечением устойчивости развития. Мы можем предположить, что со временем ценообразование будет учитывать и многие другие социальные цели и что эта концепция цены позволяет достичь намного большего, чем *любой* механизм стихийной конкуренции (капиталистический или «рыночно-социалистический»). В-третьих, центр интернализует многие существенные внешние эффекты намечаемой деятельности предприятий – эффекты, которые невозможно воспринять и по поводу которых невозможно принять меры, оставаясь на уровне отдельного предприятия, даже при всем желании. Наконец, в-четвертых, центр с помощью

программ оптимизации (используя возможности агрегации данных и расчетные мощности, недоступные отдельным предприятиям) последовательно приближает согласованный план к оптимальному. Этот список, вероятно, далеко не исчерпывающий.

Что же делают предприятия? Прежде всего – они составляют свои собственные предварительные планы, исходя из возможностей и интересов всех своих участников. Эти планы, выражающие оптимальный отклик предприятия на спрос на его продукцию или услуги (так, как он воспринимается предприятием), служат основой для управляемого центром итеративного процесса. Предприятие – важнейшая (но не единственная) «площадка» для *последовательного расширения и совершенствования социалистической демократии*; это означает всемирно-исторический разворот вспять капиталистической тенденции к *подчинению* труда условиям его существования.

Стоит отметить две особенности системы вознаграждения предприятий в условиях MDIC. Во-первых, *оценка показателей работы* предприятия здесь намного сложнее, чем все, что имело место ранее. Одним из этих показателей является присущий только социализму экономический критерий: полная реализованная рентабельность, или отношение реализованной стоимости чистой продукции (по социалистическим ценам воспроизводства) чистого выпуска к (соответствующим образом измеренному) совокупному объему ресурсов (грубо говоря, Y/K , в противоположность капиталистическому P/K). Этот показатель может быть улучшен любыми «хорошими делами» (в узкоэкономическом смысле), на которые способно предприятие, – например, благодаря росту производительности труда и улучшению качества продукции, экономии на потреблении исходных ресурсов, разработке более совершенных технологий и т. д. Но совокупная мера результатов работы предприятия включает также показатели, характеризующие решение ряда социальных задач: развитие самих работников, преодоление унаследованных от прошлого проявлений расчленения и угнетения по гендерному или расовому признаку, достижение намеченных целей, касающихся воздействия на окружающую среду, развитие отношений с местным сообществом, с другими предприятиями и т. д. Все эти параметры должны оцениваться в ходе политического процесса с участием представителей «заинтересованных сторон» (stakeholders) в обществе за пределами предприятия – равно как и внутри него. В результате формируется некоторая общая мера качества работы, лишь одной из составляющих которой является выпуск продукции.

Во-вторых, как только эта система оценки качества работы вступает в силу, вознаграждение (доход) предприятия определяется как запланированными показателями, так и последующей успешностью их достижения. Коротко говоря, предприятие становится заинтересовано и в принятии амбициозных планов, и в правильном выполнении уже сформулированных плановых заданий – стимулируются и амбициозность, и реалистичность. Цель состоит в том, чтобы обеспечить использование предприятием вверенных ему ресурсов таким образом, чтобы были защищены интересы общества, и одновременно – добиться, чтобы принимаемые им планы были разумными, и тем самым – чтобы агрегация и обработка данных в центре базировались на реальных конкретных местных возможностях.

Ключевая идея: центр и предприятие вовсе не представляют противоположные принципы – «централизация против децентрализации»; наоборот, они *взаимоэффективны*, и успех одного определяется успехом другого. Ни одна из сторон не может нормально функционировать без другой; предприятие, занимаясь планированием, предоставляет центру необходимую информацию; центр, в свою очередь, обеспечивает предприятию стабильные «рамочные условия» на макроуровне, благодаря которым становится возможным реальное планирование. Так функционирует *хозяйственное ядро* (Core Economy), построенное на принципах MDIC, – центральная часть системы зрелого социализма.

3. Переходные периоды

Вернемся теперь к стадии «социализма-предтечи». Мы имеем:

- (а) традиционный рыночный сектор, особенно сильный, вероятно, в сельском хозяйстве и сфере услуг;
- (б) общественный (государственный) сектор, с административным («преитеративным») планированием, ориентированный на такие социалистические ценности, как полная занятость, социальная защищенность работников, коллективное потребление;
- (в) сектор внешней торговли и инвестиций – источник необходимых технологий и организационных ресурсов, но в то же время и «главный раздражитель» с точки зрения социалистического развития.

Что делать? Должна ли наша мысль ограничиваться одним измерением «реформы»: как провести приватизацию *ровно в таком объеме*, чтобы она служила ограничителем бюрократии и коррупции, уравновешивая ее влияние заявляемой приверженностью целям социализма? Социализм при таком понимании кажется наивным – похвальным, но проблематичным – убеждением, идущим вразрез с вечной «неоклассической» человеческой природой, от которой невозможно уйти. Можем ли мы раз и навсегда вырваться из этой ловушки?

Политический план, схематически представленный на рис. 1, может здесь, по-видимому, что-то подсказать.

Рис. 1. Предположительная организационная структура для стадии перехода от «социализма-предтечи» к зрелому социализму.

На схеме изображен представительный орган (соединяющий законодательные и исполнительные функции), состоящий из двух палат, – *двухпалатное* государственное руководство. Исторические примеры двухпалатных законодательных органов или парламентов (скажем, Палата лордов и Палата общин в Британии, Сенат и Палата представителей в США, Совет Союза и Совет Национальностей в СССР) были основаны либо на возмутительно несправедливых классовых различиях, либо на необходимости примирить и согласовать интересы отдельных социальных игроков (больших и маленьких штатов, например, или различных национальных образований). Предлагаемая здесь двухпалатная ассамблея – это нечто иное. По этой схеме, Народное Собрание избирается всем взрослым населением по территориальным округам. Напротив, Совет Хозяйственного Ядра избирается только работниками предприятий хозяйственного ядра (Core Enterprises) – предприятий, входящих в систему MDIC. Запросить о своем переходе в состав ядра может любое предприятие, из государственного сектора или из частного. Размер здесь не является единст-

венным критерием – в хозяйственное ядро могут входить и малые предприятия. Главное требование – участие в итеративной координации; оно предоставляет рабочим доступ к ресурсам сектора MDIC, но также и позволяет (как было отмечено выше) центру вмешиваться в их действия. Отметим, что предприятие может быть государственным, но не входить в ядро; немедленный охват ядром (подмножеством общественного сектора) всех государственных предприятий может быть делом неосуществимым или даже нежелательным. Предприятия частного сектора, независимо от того, являются ли они индивидуальными, кооперативными или капиталистическими, хозяйственному ядру по определению не принадлежат.

Двухпалатность всегда вводит неравенство, и это необходимо открыто констатировать. В этом фактически и состоит новизна данного предложения: работники предприятий хозяйственного ядра получают возможность голосовать на *двух* выборах, тогда как все остальные участвуют всего в одних! Если, однако, хозяйственное ядро (сектор MDIC) со временем будет расти, все больше и больше работников будет наделяться этой привилегией, и ее значимость понизится. В какой-то момент разграничение между Народным Собранием и Советом Хозяйственного Ядра станет атавизмом, и эти два органа можно будет объединить. Различия и внутренние конфликты между ними могут, однако, играть важнейшую роль на протяжении длительного этапа «социализма-предтечи», когда массовое сознание, мощности, находящиеся в распоряжении общества, и уровень политического развития еще не позволяют создать завершенную демократически планируемую экономику, которая охватывала бы государство/нацию полностью.

Под совместным контролем двух палат государственного правящего органа находятся органы планирования, выступающие в качестве центра по отношению к предприятиям согласно модели MDIC. Как показано на рис. 1, прерогативой Народного Собрания является осуществление контроля над частным сектором через Комитеты защиты революции. Ожидается, что частный сектор будет работать в рамках закона: соблюдать законодательство об охране труда и здоровья работников, платить налоги и т. д. Совет Хозяйственного Ядра выполняет схожие функции в отношении органов планирования и предприятий хозяйственного ядра. Комитеты по социально-экономическому контролю служат инструментом развития массового участия в процессе MDIC за пределами каждого отдельного рабочего места или производственного участка; через них реализуются функции участия «заинтересованных сторон» (stakeholders) в описанном выше процессе составления плана и оценки результатов работы предприятия.

Насколько хорошо работало бы хозяйственное ядро (сектор MDIC)? Насколько высокого уровня достиг бы в нем процесс итеративной координации? Вполне может быть, что на первых порах – не очень хорошо. Вначале органы планирования могут просто компилировать и публиковать планы предприятий ядра и работать «прагматически», исходя из наличного положения дел, сглаживая разногласия между предприятиями, полагаясь на резервные запасы и (как это часто случалось в «раннесоциалистическом» опыте) позволяя потребителям быть той «остаточной величиной», которая балансирует план! Постепенно, с ростом уровня квалификации и доступом к современным информационным технологиям, – и органы планирования, и сами предприятия смогут реально производить расчеты с целью оптимизировать планы оптимизации. Но для того, чтобы с самого начала запустить процесс MDIC, может оказаться вполне достаточно очень простых методов «планирования от достигнутого» и простых схем оценок.

Главное требование состоит в том, чтобы хозяйственное ядро работало достаточно хорошо, чтобы последовательно привлекать к себе новых участников. Не только право голосовать на выборах в Совет Хозяйственного Ядра, но также и опыт участия в принятии реше-

ний, рост доходов, становящийся возможным благодаря принадлежности к ядру, а также образовательные и организационные возможности, открываемые доступом к ресурсам органов планирования, – все это должно постоянно стимулировать работников, занятых в частном секторе и на предприятиях государственного сектора, не входящих в ядро, искать работу на предприятиях ядра или оказывать давление на свои государственные или кооперативные предприятия, добиваясь, чтобы они подали заявку на присоединение к ядру.

Отметим, что первоначально хозяйственное ядро не обязательно должно быть очень обширным. Она должно расти, количественно и качественно, с такой скоростью, с какой позволяют условия. На раннем этапе «социализма-предтечи» может наблюдаться расцвет частной экономической деятельности, в то время как процесс MDIC находится в стадии становления, и его масштабы невелики; эмпирически это как бы «отступление» от социалистического строительства, но в действительности – его «стадия кокона»! (Мы, конечно, должны обращать внимание на ту политическую угрозу, которую «частно-рыночный» сектор может представлять для проекта социалистического развития.)

Ожидается, однако, что хозяйственное ядро будет ведущей силой, «продвигающей» радикально социалистические начала в обществе в целом. Сюда относятся: основанная на соответствующих принципах оценка результатов работы и планирования со стороны как отдельных людей, так и предприятий, и вытекающая из нее, также принципиально обоснованная, разница в оплате труда, ведущая к росту, а не подавлению социалистического сознания; последовательное преодоление вековых квалификационных и властных различий на производстве, закладывающее основы для неуклонного сокращения этой разницы в оплате; развитие в полном объеме человеческих трудовых и жизненных способностей и опыта каждого индивида; и постепенное уничтожение внешнего статусного символизма, связанного с потреблением, и превращение потребления, так же, как и труда, в деятельность, служащую удовлетворению человеческих потребностей и повышению качества человеческой жизни.

Источник: **Альтернативы. 2013. №1.**

<http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/a1-2013/19022-zrelyy-socializm-struktura-predposylki-perehodnye-periody.html>

Библиография

1. Foley, Barbara, and Bernard H. Moss, eds. 2009. “China. Socialism, Capitalism, Market: Where Next”. Special Issue. *Science & Society*, 73:2 (April)
2. Kotz, David. 2001. “Is Russia Becoming Capitalist?” *Science & Society*, 65:2 (Summer), 157-181
3. Kotz, David, and Fred Weir. 1997. *Revolution from Above: The Demise of the Soviet System*. London/New York: Routledge
4. Laibman, David. 1978. “The ‘State Capitalist’ and ‘Bureaucratic-Exploitative’ Interpretations of the Soviet Social Formation: A Critique”, *Review of Radical Political Economics*, Vol. 10 (Winter), 24-34. Republished as Ch. 14 of David Laibman, *Value, Technical Change and Crisis: Explorations in Marxist Economic Theory*. Armonk, New York: M. E. Sharpe, 1992
5. Laibman, David. 2007. *Deep History: A Study in Social Evolution and Human Potential*. Albany, New York: State University of New York Press

6. Laibman, David. 2009. "The Western Left, the Soviet Union, and Marxism". *Science & Society*, 73:4 (October), 540-553
7. Laibman, David. 2011. *Political Economy After Economics: Scientific Method and Radical Imagination*. London: Routledge
8. Lebowitz, Michael. 2010. *The Socialist Alternative: Real Human Development*. New York: Monthly Review Press
9. Ludlam, Steve. 2012. "Aspects of Cuba's Strategy to Revive Socialist Development". *Science & Society*, 76:1 (January), 000-000
10. van der Linden, Marcel. 2007. *Western Marxism and the Soviet Union: A Survey of Critical Theories and Debates Since 1917*. Historical Materialism Book Series, Vol. 17. Leiden, Amsterdam/London: Brill
11. Yaffe, Helen. 2009. *Che Guevara: The Economics of Revolution*. London: Palgrave Macmillan
12. Yaffe, Helen. 2012. "Che Guevara and the Great Debate, Past and Present". *Science & Society*, 76:1 (January), 000-000

[1] Фоном для теоретических проблем, исследуемых здесь, является, конечно, вся богатая – и неоднозначная – история посткапиталистического строительства в Советском Союзе, в Китае и на Кубе, а также в других странах Азии, Восточной Европы и (теперь уже) Латинской Америки. Не предпринимая ничего похожего на какую-либо попытку литературного обзора в этой обширной области, отсылаю читателя к нескольким источникам. По Советскому Союзу: Kotz and Weir, 1997; Kotz, 2001; van der Linden, 2007; Laibman, 2009. По Китаю: Foley and Moss, eds., 2009. По Кубе: Yaffe, 2009; Yaffe, 2012, Ludlam, 2012.